

В поезд, отправлявшийся по маршруту Свердловск – Нижневартовск, сажались дождливой ночью. Билеты достались только в общий вагон – в те давние, как теперь принято называть, «советские» времена это было делом вполне обычным. Народу набилось – повернуться негде. В крайнем купе (если назвать так отсек общего вагона с тремя «сидячими» нижними полками, не считая «лежачих» верхних) оказались занятыми все девять мест.

Пока рассовывали по багажным полкам чемоданы – галдели, сопели, мешали друг другу. Наконец устроились, угомонились. Ждали отправки. Бородатый светловолосый мужичок средних лет, которого я заметил ещё в зале ожидания свердловского вокзала, сняв намокший дождевик, присел было на нижней полке с краю. Но вскоре поднялся и, забросив свёрнутый плащ на пока ещё незанятую верхнюю полку, взгромоздился туда же и сам. Улёгся, положив под голову тощий вещмешок.

Стоявшая до этого в проходе девушка в зелёной куртке, заправленных в резиновые сапоги трикотажных брюках с белыми полосками по бокам и повязанной на голове темной косынке робко присела на освободившееся после бородача место. Примостившись на самом краешке, как будто боясь потеснить соседей, осторожно выпростала из-под промокшей косынки две жиденькие косички и как-то слишком сосредоточенно стала рассматривать свою ладонь, на которой виднелись тёмные пятнышки мозолей.

Рядом со мной на нижнем боковом месте расположилась моложавая женщина с девочкой лет четырёх. Женщина была чем-то расстроена – как выяснилось, не совсем удачной поездкой: муж со старшим сыном ехали в этом же поезде, но в другом вагоне. Дочка хныкала, расстроенная мать нервничала, стараясь утихомирить девочку, раздражённо потряхивала её на коленях.

За вагонным окном по мокрому, блестящему от фонарей перрону сновали припоздавшие к началу посадки пассажиры и провожающие. Вокзальные часы показывали половину двенадцатого. Поезд отправлялся через пять минут.

В вагоне то и дело гасли тускло мерцавшие под потолком светильники, наступала почти полная темнота. Проводница ходила по вагону с фонариком, проверяла билеты. Людей было много – пропустить кого-либо было немудрено. Поезд наконец тронулся, освещение стало нормальным. Голос проводницы слышался уже в конце вагона. В купе оживились, расслабленно завздохали, оказавшаяся у противоположного окна «везучая» пожилая пара неторопливо выкладывала из саквояжа на свободный столик нехитрую домашнюю провизию.

Девочка, не перестававшая до этого кукситься, сидя на маминых коленях, тормошила мать:

– Мама, а мама! Мы море увидим? Увидим, да, мама?

– Увидим-увидим, – мать явно не хотела огорчать дочь.

- А когда оно будет?
- Скоро, доча, скоро.
- А какое оно, море? Большое?
- Большое.
- И черное? Бывает ведь черное, бывает, да, мама?
- Увидим и черное, и синее. Всё увидим.

Забравшись по примеру бородатого попутчика на верхнюю боковую полку и освободив своё нижнее место для мамы с дочкой, я невольно прислушивался к их забавному диалогу.

- Вот ты сейчас поспишь, потом встанешь – и будет море.
- Только ты разбуди меня, ладно?
- Хорошо-хорошо, договорились, разбужу.
- Я только маленько посплю, я не хочу много.
- Ну ложись давай, вот так, закрывай глазки. Спи, моя хорошая. Утром папа с Андрюшей придут. Вместе будем море смотреть.

Девчушка смиренно лежала с открытыми глазами, ни о чём больше не спрашивала. Потом повернулась на бок, подложила под щёку ладонку и скоро уснула. Однако спокойно спала недолго. На жестком сиденье спать было неудобно, девочка во сне ворочалась. Сморённая сном и усталостью мать, сидя рядом, поминутно вздрагивала, осторожно отодвигала дочь от края.

Забылся в полудрёме и я. Разбуженный через какое-то время вошедшими на очередной станции громогласными «мешочниками», глянув вниз, увидел такую картину: та самая невзрачная девушка с косичками, почти девчонка, бережно держала спящую у неё на коленях девчушку и, чуть склонившись над ней, прикрывала собой от падающего сверху света. Намучившаяся мать, прикорнув в своём углу, казалось, спала.

Вагон то слегка покачивало, то начинало изрядно болтать. За окнами чернела густая осенняя ночь. Появившийся в проходе бородач – выходил, видимо, в ближний тамбур покурить – постоял, задумчиво глядя на девушку с ребёнком на коленях, потом легко забрался на прежнее место. Смотрел уже оттуда. На вид ему можно было дать лет сорок – возможно, борода его старила, но сложением он походил на подростка: невысокий, поджарый, ловкий. Серый свитер крупной вязки был ему великоват, из закатанных по локоть рукавов, будто из раструбов, торчали обветренные жилистые руки. Скорей всего он был из того командированного люда, вся жизнь которого проходила тогда в бесконечных переездах по нашим северным стройкам.

– У всех билеты есть? – спросил нестрого, чуть озабоченно возникший в проходе высокий мужчина в форменной одежде. В купе было тихо.

– У всех, значит... – мужчина двинулся дальше, равнодушно скользя взглядом по сонным лицам, смутно белеющим в полумраке вагона. Следом за ним шла и уже знакомая всем проводница.

– У меня!

Почти все, кто не спал, невольно повернулись на этот негромкий возглас.

– У меня! – срывающимся голосом повторила девушка в зелёной куртке.

– Что у тебя? – ревизор вернулся, недоумевающе посмотрел на молоденькую пассажирку с ребёнком на руках.

– Билета нет... – голос девушки дрожал, чувствовалось – она готова разреваться.

– Почему нет? – мужчина уже строго и подозрительно посмотрел на вагонную проводницу. Та стояла в растерянности, изумлённо переводила взгляд то на бригадира, то на пассажирку. Наконец пришла в себя:

– Как нет? У всех же были. Ты что, дорогуша? – склонилась к девушке, будто пытаясь получше её разглядеть. Та молчала. Головы не опустила, смотрела прямо перед собой.

– Придётся пройти со мной, – бесстрастно сказал мужчина. Девушка встала, осторожно передала девочку матери. Пошла за бригадиром.

– Вот сучка! Подвела-то как. Молчала бы уж! Он прошел бы и всё, – проводница оглядела пассажиров, как будто ища какой-то поддержки.

– То я и смотрю: схватила Светку и не отпускает, – подала голос молодая мамаша. – Теперь понятно, зачем это ей. Замаскировалась, чтоб не тревожили лишний раз.

– Так никто же за язык не тянул, – продолжила своё проводница. – Припухла бы уж. Ну сучка! Вернётся, я с ней поговорю...

– Надо-надо ей, бессовестной, мозги прочистить, – поддакнула мамаша. – Да она поди не вернётся. Стыд-то должен быть.

Однако девушка вскоре вернулась. Молча села на прежнее место.

– Ну, разобрались? – участливо спросил сверху бородач.

Девушка, всё так же пристально разглядывая свою ладошку, молча кивнула.

– Штраф заплатила?

– Умгу, – не поднимая глаз, опять кивнула девушка.

– Зачем ты ему сказала-то? – неожиданно ласково заговорила женщина с девочкой на руках. – Он же не требовал, спросил только. Можно было не говорить.

– Сказала и всё! – девушка повернула раскрасневшееся лицо к свету, глаза её влажно блестели. – Вам-то какое дело?

– Да ты не расстраивайся, девка, – пробасил бородач. – Ну сказала. Не могла значит не сказать. Не привыкла пока.

– К чему тут привыкать? – обиженно поджав губы, спросила мамаша, в голосе которой уже не было доброжелательности. Видно, неожиданная дерзость девчонки её задела.

– Врать-то, говорю, пока ещё тяжело. Ты, девка, из деревни, я вижу. Ничего, привыкнешь. Все привыкают... – бородач свесил голову с полку, поглядел в темное окно, потом перевёл взгляд на сгорбленную фигурку девушки и добавил глухо, словно не очень хотел, чтобы его слышали все: – А может, и не привыкнешь. Дай-то Бог...

– Скажут тоже – привыкают... – хмыкнула молодая мать, укладывая дочку рядом с собой.

– Именно! – бородач приподнялся на локте. – Вот вы...

– Что я? – насторожённо перебила женщина, подняв голову и искося глянув на верхнюю полку.

– Вот вы, говорю... Так привыкли, что и не замечаете уже, когда врётё, даже не задумываясь.

У женщины брови вверх поползли – такого она явно не ожидала.

– Елозите вы перед всеми – вот в чём вся штука, – с нажимом продолжил бородач. – А чтобы всем угодить, всегда врать приходится – словами ли, поступками... И не надо на меня так таращиться! Девка вот соврать не смогла, а вы её как... Проводница-то как её обозвала? Язык не поворачивается повторить. И ты туда же – про стыд заговорила, про совесть. А девчонке совесть-то и не дала смолчать...

– Как с цепи сорвутся прямо и несут черт-те что, – пробурчала женщина и принялась поправлять под головой всё ещё не спящей дочки свёрнутое пальтишко. Решила, видимо, не ввязываться в полемику.

На голоса пришла проводница. Увидела безбилетницу, состроила ничего хорошего не предвещавшую улыбку:

– Пришла, дорогуша! Зайдём-ка ко мне на минутку...

Девушка поднялась, как будто виновато посмотрев почему-то на бородача, пошла за проводницей.

– Эх, люди!.. – вздохнул бородатый. Остальные промолчали.

– А ты, мамаша, – снова негромко, но с прежним нажимом заговорил бородач, – если ещё раз скажешь Светке своей...

– Что?!

– Если ещё раз про море соврёшь...

– Ну-ну, что будет-то?

– Увидишь когда-нибудь, да как бы поздно не оказалось. Сейчас-то тебе этого не понять, а объяснять, вижу, бесполезно... – бородач повернулся лицом к стенке, и больше его никто не слышал. Была уже поздняя ночь, измотанные пассажиры дремали, кое-как притулившись кто где мог.

...Утром, проходя по вагону, проводница – немолодая усталая женщина с добрым деревенским лицом – возле наших мест задержалась:

– У вас, что ли, девчонка-то сидела?

– Безбилетная? Ну у нас, у нас! А мы потом не видали ее, не приходила больше. Высадили, что ли?

– Оставила ее у себя. Часок, наверно, поспала, потом сошла в Талице, – проводница присела на свободное боковое место, положила руки перед собой на поднятый столик (к утру народу в вагоне стало поменьше), сцепив пальцы, помолчала.

– Жалко её, дурёху. Сто рублей домой везла. В городе на строительстве работали, от училища. Ну и получили – месяца за полтора, за сколько ли там. Ей сотенную выдали. Она и задумала сторублёвку-то сохранить. А кроме этих денег была ещё у неё какая-то мелочь, но на билет не хватало. У товарищей постеснялась занять: только что получила, и сразу – просить! А ей охота, значит, привезти домой целую бумажку – спасу нет, как охота. Семья, видать, большая. Отца нету. Она старшая. Сотенных, может, и в руках не держивали. А тут первая заработанная! Можно девку понять. Вот и решилась... на преступление.

Пассажиры, слушая рассказ проводницы, смотрели на неё поначалу как будто даже с некоторым недоверием. Задумчиво покачив головой, женщина облегчённо вздохнула:

– Да не выдержала вот... Светлая душонка-то!

– Ну и что теперь, разменять пришлось? – спросил кто-то, высунувшись из-за вагонной перегородки.

– Деньгу-то разменяла... Зато совесть сохранила. Когда открылась мне вот так-то, как рассказываю, я и вспомнила, что у меня, пожалуй, две полусотенные найдутся. Хоть не одной бумажкой, а всё равно крупными. И вот сколько ей этой ночью пережить пришлось, а всё крепилась, даже головы вроде не повесила. Но тут, верите, нет, сую ей деньги, а она ревёт. Говорю ей: что ж ты, дурёха, ревёшь, я же просто твои остатки мелкие – пятёрки с десятками – заменить предлагаю, радоваться же надо. А сама... тоже реву.

У проводницы голос вдруг сел, и она даже будто невидимую слезу смахнула. Медленно поднялась, но не уходила, стояла в раздумье, смотрела в окно: поезд подходил к небольшой станции.

– Так со слезами и уснула у меня. Перед Талицей разбудила её – она снова в слезы, ревёт да обнимает меня: тётя Маша, говорит, тётя Маша! А я ей: не плачь, дочка, не плачь...

Проводница достала платок, высморкалась, часто моргая влажными глазами, повернулась и пошла к себе – надо было готовиться выпустить уже приехавших да принять свежих уезжающих. Остававшиеся в вагоне «свидетели», казалось, теперь уже как-то по-особому просветленно молчали. Даже давно проснувшаяся Светка притихла рядом с матерью.

На станции поезд стоял недолго. Вскоре станционные постройки остались позади, и только по шоссейной дороге, что тянулась внизу вдоль железнодорожной насыпи, неслись поначалу соперничающие с поездом в скорости гружёные машины. Вдали блеснула излучина реки.

– Мама, это море, да? – с надеждой спросила Светка.

– Нет, доча, это не море, это речка.

На небольшом мосту колёса звонче и даже будто бы чаще обычного простучали по стыкам рельсов, за вагонными окнами сплошной тенью промелькнули металлические укосины, и вновь возникло глухое, как прежде – размеренное, постукивание колёсных пар. Взгляду открылось плавное встречное кружение опустевших полей и желтеющего вдали перелеска. После внезапного грохота и мельтешения казалось, будто поезд сбавил вдруг ход.

– Мама, а вон там – море?

– Нет, доча, это какая-то большая-пребольшая лужа...

Про бородача, который сошел с поезда ранним утром, вслух никто не вспоминал.